

ОБОРОТНИ ДУХОВА ДЕДКА

Алла Белолипецкая

Нечисть уездной России. Романы Аллы Белолипецкой

Алла Белолипецкая
Оборотни Духова леса

«ЭКСМО»

2025

Белолипецкая А. В.

Оборотни Духова леса / А. В. Белолипецкая — «Эксмо»,
2025 — (Нечисть уездной России. Романы Аллы Белолипецкой)

ISBN 978-5-04-239412-6

1872 год. Близится день осеннего равноденствия, когда тёмное колдовство обретёт особую силу. И Духов лес, что окружает уездный городок Живогорск, вот-вот раскроет ужасающие тайны, которые хранил полтора века. Жителям города предстоит узнать, каких зверей этот лес породил. И ценой такого знания станет эпидемия ликантропии, уготованная Живогорску. Но кто же стоит во главе волков-оборотней Духова леса и направляет их атаки? А, главное, как остановить жуткое поветрие оборотничества? И сумеют ли избежать страшного перевоплощения те, кто возьмётся расследовать «дело волкулаков»: купеческий сын Иван Алтынов и его невеста – дочка местного священника Зина Тихомирова?

ISBN 978-5-04-239412-6

© Белолипецкая А. В., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алла Белоліпецкая

Оборотни Духова леса

*Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
Кто их знает? пень иль волк?»*

А. С. Пушкин. «Бесы»

Пролог

Село в 180 верстах от Москвы

1

Август 1720 года

Старуха не умолкала ни на мгновение, пока её закапывали. И слова её слышали все, кто находился на княжьем дворе, – не один лишь князь Михайло Дмитриевич. Хотя обращалась-то она именно к нему. Ведь кто, как не он, определил ей такую казнь – окопание заживо в землю. Чтобы потом она умирала в яме от голода и жажды. И это было ещё милосердно! Так-то за колдовство обычно сжигали: в деревянном срубе, при стечении народа. Только вот – имение князя располагалось близ торфяных болот. Мыслимое ли дело – устраивать здесь пожар?

И на глазах Михайлы Дмитриевича для приговорённой колдуньи выкопали яму – подобие неглубокого колодца, – куда и опустили её со связанными за спиной руками. Глубину рассчитали верно: край устроенного раскопа оказался у старухи вровень с плечами.

Впрочем, как подумал князь, не такая уж она была и старуха. Михайло Дмитриевич знал: ей лишь недавно стукнуло пятьдесят. И была она моложе его самого на пять годков! А когда-то...

Но теперь значения это уж не имело. Двое холопов князя лопатами сноровисто забрасывали в яму рыхлую песчаную землю. И только морщились от нестерпимо громких воплей связанной колдуньи:

– Будут меня помнить, Михайло, все твои потомки до двенадцатого колена! Будут жрать человечину – и обо мне памятовать! Будут шерстью, словно мхом, обрастать – и вспомнят меня! Будут на четырёх лапах носиться, выть, как звери лесные, – и про меня не позабудут! И тебя проклянут за то, что ты со мною сделал! В том, что они волкулаками станут, – ты повинен окажешься, не я! А я над их участью и в аду посмеюсь: вот, княжьи отпрыски, бегайте отныне волками! Да творите для меня новых волкулаков – чтобы люди ими становились через ваш укус. И не в ночи полнолуния вы звериное обличье обретать станете, а всякий раз...

Князь не выдержал – сорвал с себя вышитый кушак, бросил его холопам:

– Завяжите ей рот!

Так не принято было, но ведь кто знает, сколько продержится колдунья в яме: три дня? четыре? неделю? И что же – князь Михайло должен будет, сидя в своих палатах, слушать её завывания? А уехать в Москву, не дождавшись, покуда она преставится, он никак не мог.

«Надо было просто её повесить!...» – мелькнуло у князя в голове. Но теперь что-то менять сделалось поздно: что стали бы говорить люди, если бы он взял, да и выкопал колдунью? Что он пожалел её и решил подарить ей скорую смерть? Или – хуже того: что старая ведьма сумела его напугать?

Развернувшись, Михайло Дмитриевич поспешно двинулся в сторону своих палат. Однако, пока шел, ловил при каждом шаге яростное мычание, которое колдунья издавала с завязанным ртом. Она всё ещё пыталась что-то говорить. И князь даже различал отдельные слова, раз за разом повторяемые ею: «колодец», «ведро», а ещё – «ангел».

2

Сентябрь 1725 года

Алексею Алтынову, прежде прозывавшемуся Востриковым, минувшим летом сравнялся лишь двадцать один год. Однако повидал он за свою жизнь такое, чего и людям зрелых лет в страшных снах не привиделось бы. И всё же теперь он, незаконный внук Михайлы Дмитриевича Гагарина, в который раз ощущал дрожь, взглядывая на воздвигнутую посреди Духова леса деревянную статую. Ему и прежде виделось в ней что-то неизъяснимо богохульное. А теперь, когда ему довелось свести знакомство с её, так сказать, прообразом...

«Ну, по крайней мере, сам *прообраз* более навредить никому не сможет», – подумал Алексей, отступая от деревянной скульптуры и наклоняясь над колодцем, подле которого её установили. Вода в нём плескалась на немалой глубине: сажень¹ в четырёх от поверхности земли. Но всё же, если не знать – догадаться о тайне сего *кладазя бездны* вряд ли кто сумел бы. Равно как – и выбраться из него.

Но тут же у Алексея мелькнула вторая мысль. Пожалуй, даже и не мысль: неоспоримое и недоброе предчувствие. С некоторых пор они частенько посещали юношу, чья мать была внебрачной дочерью князя Гагарина, а бабка, по всеобщему мнению, – ясновидицей и ворожеей.

«Сам-то он, быть может, и не выберется. Но ежели у него будет проводник...»

И княжьего внука на миг охватили сожаление и страх. Ведь он не убил злобного паскудника – всего лишь его отослал, не захотел марать об него руки. А теперь неизвестно: кому и когда может аукнуться его, Алексея Алтынова, неуместное мягкосердечие? Но тут же он сам себя и одёрнул – пробормотал с усмешкой:

– Волков бояться – в лес не ходить...

Что сделано, то сделано.

И Алексей, посмотрев напоследок в тёмный зев колодца, от него отступил и двинулся прочь. Предвечерний свет по-осеннему мягко изливался между берёзами и елями Духова леса, делая их похожими на застывших в задумчивости гиперборейских великанов, о коих писал Геродот – отец науки гиштории. Да и сами здешние места – чем они были не загадочная Гиперборея? Почему было бы не сохраниться её частичке в подмосковных лесах? Ведь сделал же когда-то великий Парацельс пророчество в своих «Оракулах», написав: «Есть один народ, который Геродот называет Гиперборейями. Нынешнее название этого народа – Московия. Нельзя доверять их страшному упадку, который будет длиться много веков. Гиперборейи познают и сильный упадок, и огромный расцвет. У них будет три падения и три возвышения».

Вспоминая оный трактат, купленный у одного алхимика в московской Немецкой слободе, Алексей Алтынов шагал через Духов лес в сторону уездного Живогорска. И, сам себе удивляясь, осознавал, что полюбил тутошнюю глухомань. Что хотел остаться здесь жить, как бы ни повернулись дела. Именно в Живогорске будет его дом – а стало быть, и дом его детей, если когда-нибудь они у него появятся. Дом его наследников по колдовской линии.

¹ Сажень = 2,13 м.

Часть первая

Загадочные происшествия в уездном городе

Глава 1

Дурные вести

28 августа (9 сентября) 1872 года. Понедельник

1

В Живогорск алтыновская тройка въехала не со стороны Губернской улицы, а с противоположного конца города. Но Иван Алтынов, сын купца первой гильдии, и не собирался сразу ехать к себе домой, на Губернскую. Как и не планировал отвозить свою невесту Зинаиду Тихомирову в дом её отца-священника, располагавшийся на той же улице.

Впервые в жизни Иванушка радовался тому, что у его Зины имеется в наличии бабка, пусть даже и ведьма: Агриппина Ивановна Федотова. Ведь, если бы не она, где и с кем барышня Тихомирова могла бы проживать по возвращении в Живогорск – вплоть до венчания со своим женихом? Селиться в его доме до свадьбы ей было бы невместно. А возвращаться под родительский кров она пока что не желала. Явно хотела сперва переговорить со своим папенькой – и всерьёз опасалась его гнева.

Ну а так – вопрос решался просто. И кучер Алексей направлял сейчас их тройку к роскошному доходному дому купцов Алтыновых, что располагался в центре Живогорска, на Миллионной улице. Там Иван собирался снять апартаменты для бабушки и внучки. И не важно, кем Агриппину Ивановну считают горожане. Главное: Зинина репутация несколько не пострадает, если она будет жить в съёмном номере не одна, а вместе с пожилой родственницей.

Когда они катили по Живогорску, уже миновал полдень. Однако – странное дело! – улицы выглядели пустынными, как это обычно бывает только ранним утром. Лишь редкие прохожие попадались им на Миллионной – самой богатой улице города, где чуть ли не в каждом доме располагались лавки, мастерские дорогих портных или ресторации. День стоял пасмурный и какой-то пепельно-серый. Но не дождало и холодно не было. Никаких поводов не существовало, чтобы отсиживаться по домам.

– Отродясь не видел, чтобы тут народу не было! – удивлённо произнёс Алексей, крутя головой.

И, будто его передразнивая, таким же манером озирался по сторонам и Эрик Рыжий – высунувший остроухую башку из высланной пледом корзинки.

А у Иванушки вдруг пересохло во рту, и он с трудом проглотил комок, вставший в горле. Что-то надвигалось – какая-то скверность; и, несомненно, рыжий сибирский кот ошущал это не хуже, чем его хозяин.

Быстро, чтобы этого не заметили Зина и Агриппина Ивановна, купеческий сын бросил взгляд на рогожный свёрток, что лежал у него под сиденьем: Ивану Алтынову неожиданно показалось, что содержимое того зашевелилось. Но – нет: *это* по-прежнему оставалось неподвижным. Хотя Агриппина взгляд Иванушки всё-таки перехватила: искривила губы, нахмурилась и покачала головой, словно бы с укором. Однако неясно было, за что она его укоряет. За то, что он даёт волю нервам? Или за то, что он, невзирая на её предостережения, решил-таки вернуться в Живогорск? Решил вернуться – после того как по дороге, посреди Духова леса,

их атаковали трое волков, которым нипочём были выстрелы из ружья. И вспять нападавших обратило только то, что Зина сумела отстрелить одному из них переднюю лапу серебряной пулей из старинного дуэльного пистолета. А потом отстрелянная лапа сделалась вдруг обнажённой мужской рукой.

И тут сама Зина заговорила:

– Вы заметили, что они все стараются на нас не смотреть? Я хочу сказать: люди, мимо которых мы проезжаем. Может, на нашей тройке – волчья шерсть или кровь, а мы этого не разглядели? И мы ведь так и не обговорили, что делать с *этим*. – Она указала взглядом на свёрток под сиденьем: неподвижный, но от этого не менее гнусный.

А Иван подумал: они не обговорили и многого другого. У него тысяча вопросов вертелась на языке. Но ему не хотелось задавать их Агриппине Федотовой при Алексее. Тот натерпелся страху, пока гнал лошадей через Духов лес. А потом ещё Иван велел ему помалкивать обо всём случившемся. Не сообщать про лапу-руку ни исправнику Огурцову, ни кому-либо ещё. Так что – обсудить произошедшее Иванушка собирался только с Зиной и её бабкой, когда те заселятся в свой номер. И теперь сказал:

– Я спрячу *это* у себя, на Губернской улице. – Купеческий сын знал, какое место в его доме лучше всего для такой цели подойдёт. – Ты, Зинуша, о том не беспокойся.

Но едва он договорил, как раздался отлично знакомый Ивану звук: сухой, шелестящий. Он бесчётное число раз слышал его у себя на голубятне. Но сейчас он возник так внезапно, что они все разом вздрогнули: белый турман Горыныч начал заполошно хлопать крыльями в своей клетке, прикрытой мешковиной.

И аккуратно в этот момент они проезжали мимо самой большой группы людей из всех, что встретились им по дороге. Сразу четверо мужчин стояли у края тротуара: обсуждали что-то и жестикулировали с непонятной ажитацией. Наиболее рослого из этих четверых Иван Алтынов узнал: то оказался один из санитаров, что приезжали забирать его родственника Валерьяна Эопова в сумасшедшие палаты. Дюжий детина был сейчас не в белом балахоне, а в приличном партикулярном платье. Но Иван хорошо его запомнил – ни с кем не перепутал бы.

Трёх других спорщиков купеческий сын прежде не встречал. Однако теперь все они – и санитар, и эти трое – внезапно замолчали и повернули к нему головы. Будто почуяли на себе взгляд Иванушки. А потом, в отличие от прочих горожан, не отвернулись: провожали ехавшую мимо тройку глазами, пока она не остановилась возле крыльца четырёхэтажного, с гипсовой лепниной по фасаду, доходного дома Алтыновых. И тогда, как по команде, наблюдатели разошлись в разные стороны. Купеческий сын это увидел, поскольку и сам следил за ними краешком периферийного зрения.

2

Иван снял для своей невесты и её *баушки* изысканно обставленный номер, включавший две спальни, гостиную и столовую. Вот в этой-то столовой они и сидели теперь: сам Иван, Зина и Агриппина Федотова. Впрочем, им и ещё кое-кто составлял компанию. Ни Эрика, ни Горыныча оставить в тройке они не могли, так что кота принесли в номер вместе с корзинкой, а белого турмана – вместе с клеткой. Голубь слегка успокоился – крыльями больше не бил. Но, когда с клетки сняли мешковину, выглядел каким-то взъерошенным, будто его гладили против перьев.

Горынычу Иван налил свежей воды, а зерно у него в кормушке ещё оставалось. Ну а Эрик смачно угощался одной из котлет, что им доставили из ресторана доходного дома – вместе с другой снедью. Впрочем, хоть обед они себе и заказали, но к еде почти не притрагивались. И только поминутно взглядывали на свёрток из рогожи, который Иван притащил с собой. Не оставлять же его было в тройке! Алексей тоже отправился перекусить с дороги – в общий зал

ресторана, за счёт хозяина. А такая улика, брошенная без присмотра, стала бы подлинным подарком для Дениса Ивановича Огурцова, городского исправника. Тот спал и видел, как бы ему упечь за решётку Ивана, которого он считал причастным к пропаже отца – Митрофана Кузьмича Алтынова, купца первой гильдии. Только вот – доказать ничего не мог.

– Хорошо, хоть рука эта не кровоточит... – пробормотала Зина вполголоса. – Иначе бы она весь ковёр замарала.

Свёрток из рогожи и вправду лежал на персидском ковре, устилавшем пол. Но Ивана это Зинино «хорошо» порадовало по иной причине: его невеста нисколько не расклеилась после сегодняшнего происшествия в Духовом лесу. Да что уж там: она, пожалуй, держалась даже спокойнее, чем сам Иванушка. А ведь это она из пистолета Николая Павловича Полугарского отстрелила волку-оборотню лапу, которая стала затем бескровной мужской рукой!

«Вот только, – мелькнуло в голове у купеческого сына, – не возникло ли такое спокойствие из-за чрезмерной веры в свой колдовской дар, о котором ей сказала бабка? И не опрометчиво ли – полагаться лишь на него? Ведь и дар-то этот пробудился в Зинуше всего на малую часть!»

– Надо будет телеграфировать господину Полугарскому в Медвежий Ручей: попросить ещё серебряных пуль, – проговорила между тем Агриппина; она будто прочла мысли Ивана.

И тот не вытерпел – дал-таки волю своему раздражению:

– Что же вы сразу-то не взяли у него побольше серебряных боеприпасов, дражайшая Агриппина Ивановна? Вы ведь с самого начала знали, *что* нас тут ожидает! И не рассказывайте сказок, что у вас были просто дурные предчувствия – у вас ничего не бывает *просто!* А ваши фигуры умолчания вот до чего довели! – Он ткнул пальцем в рогожный свёрток; на Зинину родственницу Иван ухитрился орать свистящим шепотом: опасался, что его услышит кто-то из обслуги. – Так что выкладывайте начистоту: откуда эти *волкулаки* взялись? А главное: как их распознать и одолеть? Уж вам-то наверняка это известно. Так что не трудитесь изображать неведение! Хватит уже держать вашу внучку и меня за идиотов!

Купеческий сын ощутил, что ему краска прилила к лицу от злости. И заметил, что Зина поглядывает на него с тревогой. А вот Агриппина Федотова – та и в ус не дула. И, когда его запал иссяк, проговорила, не меняя прежнего тона:

– Как распознать – признаков немало. От волка-оборотня всегда пахнет человеком. Настоящие звери чувят это. И если на одного из волков в стае все остальные кидаются как бешеные – это верный знак, что тут дело нечисто. А если оборотень подойдет к воде напиться, то отразится в ней не волк, а человек.

– Ну а берутся-то они откуда, баушка? – спросила Зина.

И Эрик Рыжий, заслышав знакомое слово, перестал умываться после приконченной котлеты: издал протяжное и басовитое «ба-а-а-у», не сводя с Зининой бабушки своих жёлтых глазниц. А Иван, поглядев на кота, слегка успокоился. Раз уж Рыжий не метался по комнате, не вздыбливал шерсть и не орал как безумный, то, стало быть, опасность не грозила им всем прямо сейчас. Уж с чем-чем, а с интуицией у котофея был полный порядок!

Агриппина же Ивановна отвечала тем временем на внучкин вопрос:

– Волкулаки появляются двумя способами. Бывают двух разных пород. Случается, что волкулак – не добровольный оборотень, а жертва чужого злодейства. И тот, кого сделали оборотнем против его воли, не станет вредить людям, разве что – тем, которые его *испортили*, в смысле – обратили. А бывает и по-другому: кто-то занимается оборотничеством добровольно. И такой волкулак нападает на всех подряд, без разбору.

«А без разбору ли напали на нас – сегодня в лесу? – задался вопросом Иван. – Те три чёрных волка словно бы нас и поджидали...»

Но Зину, похоже, сейчас больше волновало другое.

– А можно ли как-то спасти невольного оборотня? – спросила она. – Я хочу сказать: излечить его от оборотничества?

– *Ликантропия* – так это называется, – не удержавшись, вставил слово купеческий сын; когда-то ему довелось прочесть одну старинную немецкую книгу, в которой излагались легенды о вервольфах – с научным обоснованием.

А Зинина бабушка пожала плечами: кажется, новый вопрос внучки её удивил.

– Не думаю, что нам это пригодится! Те звери, что за нами нынче гнались, вряд ли – чьи-то невинные жертвы. Но считается: невольного оборотня нужно накормить церковной просфорой или напоить святой водой, когда он будет в зверином обличье. Тогда к нему вернётся человеческий облик.

Горыныч снова захлопал крыльями в своей клетке, будто желал напомнить: есть более насущные вопросы. Так что Иван спросил:

– А если это окажутся добровольные оборотни? Можно ли с ними как-то справиться без серебряных пуль?

Агриппина, вздохнув, покачала головой:

– Можно-то можно, только очень уж затруднительно. Но коли тебе, Иван Митрофанович, интересно, то слушай. Нужно отыскать то место, где волкулак *оборачивается*. Скажем, если он для превращения в зверя кувыркается через нож, воткнутый в центр перекрестка дорог или в пень, нужно этот нож оттуда выдернуть. Так ты запрёшь колдуна в его волчьем обличье, он не сможет ворожить, и его можно будет изловить, как обычного зверя. А ещё, кроме серебряной пули, верный способ разделаться с волкулаком – огонь.

– Слишком опасно, – сказал Иван. – Поджигать Духов лес нельзя. Там торфяные болота имеются.

– Нельзя, – согласилась Зинина бабка. – Ну, тогда вот тебе другой способ: оборотня можно зарубить *змеиным* топором – тем, которым до этого убили змею. Про то мало кто ведаёт, но способ – надёжный. И – есть ещё возможность: один волкулак способен лишить жизни другого. Такое случается. Например, если до *изначального* оборотня доберётся тот, кого он через укус превратил в волка.

Иван против воли хмыкнул, сказал:

– Только вот вопрос, кто в такой схватке победит: матерый волкулак или оборотень-неофит?

Тут же у него мелькнула мысль: а знает ли Зинина бабка, что значит – *неофит*? Но зря он беспокоился. Агриппина Федотова его вопрос поняла – ответила ему:

– Тут уж кому как повезёт! – И она усмехнулась недобро.

– Ну да ладно! – Иван, хлопнув ладонью по скатерти, поднялся из-за стола. – У нас ведь есть ключевая улика, которая поможет нам вычислить оборотня очень быстро. – И он, хоть и без всякого удовольствия, поднял с полу рогожный свёрток. – Не думаю, что одноруких мужчин в Живогорске очень много. Найдём подходящего – размотаем весь клубок. Я сегодня же попрошу Лукьяна Андреевича Сивцова, моего старшего приказчика, навести справки на сей счёт. Это пока и будет наш главный план.

И с тем Иван оставил Зину и её бабку в апартаментах – отдыхать с дороги. Горыныча он решил пока отсюда не забирать, хотя сам не смог бы сказать почему. А вот Эрика в его корзинке взял с собой. И, пообещав прийти вечером, поспешил на выход – ехать на Губернскую улицу.

Но у крыльца, когда Иван уже садился в тройку, его окликнула Агриппина. Непонятно как, но она его нагнала. И даже запыхавшейся не выглядела.

– Я тебе важного не сказала, Иван Митрофанович, – негромко выговорила Зинина бабушка. – Что бы ни случилось, держись подальше от Духова леса. Нельзя тебе туда, запомни!

И раньше, чем Иван успел бы спросить у неё что-либо, женщина развернулась и быстро зашагала обратно – к дверям доходного дома.

3

Тройка ещё только подъезжала к алтыновскому особняку, а Лукьян Сивцов, старший приказчик Алтыновых, уже выскочил на высокое парадное крыльцо. Может, завидел тройку в окно. Или кто-то известил его, что хозяйский сынок воротился в Живогорск. И он ждал его прибытия.

– Вот радость-то, Иван Митрофанович: вы вернулись! – воскликнул Сивцов, едва лошади остановились; и тут же, без всякой паузы, прибавил: – А у нас тут, сударь мой, беда приключилась! Да не одна!..

И словам старшего приказчика Иван Алтынов ничуть не удивился. Это Лукьян Андреевич ещё не знал, *что* находилось в рогожном свёртке, который купеческий сын забрал из тройки и держал сейчас под мышкой! Что он тогда сказал бы про беды?

Эрик Рыжий тем временем выпрыгнул из открытой корзинки, соскочил наземь и, не теряя времени, помчал за угол дома. Путь его явно лежал через чёрный ход на кухню: в царство обожавшей его кухарки Степаниды.

– Идёмте в батюшкин кабинет, – вздохнул Иван. – И вы мне всё в деталях расскажете.

И Сивцов рассказал. Даже не стал усаживаться на стул напротив купеческого сына, хоть тот и указал ему на него, едва сам расположился в кресле за отцовским столом. Лукьян Андреевич говорил, кругами расхаживая по просторному кабинету Митрофана Кузьмича. А Иван Алтынов, чтобы успокоить нервы, взял со стола грифельный карандаш и листок бумаги: принялся составлять нумерованный перечень того, о чем сообщал Сивцов.

– Родственник ваш, Валерьян Петрович Эзопов, сбежал вчера утром из сумасшедших палат, – объявил старший приказчик первую «беду», а затем, предваряя вопросы, уточнил: – То есть сбежал-то он, по всем вероятностям, среди ночи. Но отсутствие его обнаружили только тогда, когда доктор делал утренний обход.

– Санитаров допросили? – быстро спросил Иван, ощущая, как становится влажным карандаш в его пальцах.

– А то как же! Исправник наш, Огурцов Денис Иванович, самолично ездил в дом скорби. И всех допрашивал три часа, как мне потом рассказали. Ведь ясно же: кто-то родственнику вашему помог с побегом. Только ничего исправник не добился: повиниться никто не пожелал. Уж бушевал Денис Иванович, бушевал, а толку-то?

Ивану Алтынову моментально вспомнилась сегодняшняя встреча в городе: как ему на глаза попался один из санитаров пресловутого *дома скорби*. «Надо будет разузнать, как его фамилия и не дежурил ли он тогда, когда Валерьян сбежал», – подумал купеческий сын. А Лукьян Андреевич уже рассказывал дальше:

– Но это, как говорится, цветочки! Маменька ваша, Татьяна Дмитриевна, изволили уехать, чуть слышали, что Валерьян исчез из сумасшедших палат.

– Что значит: *изволили уехать*? – напрягся Иван. – Она в Москву вернулась, что ли? Так ведь она же обещала пробыть в Живогорске два месяца.

– То-то – что обещали!.. А вчера днём горничная отправилась вашу маменьку к обеду звать, а в комнате – никого! Только записка на бюро лежала: «Пусть мой сын Иван управляет всем». И подпись: *Татьяна Алтынова*. Я нотариуса нашего вызвал, Николая Степановича Мальцева. Он ту записку изучил, сказал: условно это можно считать доверенностью. Так что теперь, Иван Митрофанович, алтыновское дело – на полном вашем попечении.

Иван ощутил, что мысли его словно поскакали вприпрыжку.

– Погодите, погодите! – Он принялся тереть ладонью лоб. – Где та записка сейчас?

– Господин Мальцев её забрал.

– А почерк? Это точно маменька писала?

Сивцов только вздохнул сокрушенно:

– Не могу вам ответить. Никто в доме руку вашей маменьки не знает. Мавруша сказала бы наверняка, однако она... – Старший приказчик кривовато усмехнулся, потом закончил: — ... неведомо, где. А писем Татьяна Дмитриевна сюда не писали. Да, и ещё: вместе с маменькой вашей уехал дворецкий, которого они наняли. И вместе с ними пропала пароконная коляска вашего батюшки. А с нею – пара отличных рысаков. И ведь за одну лишь коляску было в своё время полторы тысячи уплачено!..

Последнее обстоятельство Ивана Алтынова не слишком расстроило. Знал бы Лукьян Андреевич, сколько он сам заплатил за монгольфьер, который утонул в пруду усадьбы Медвежий Ручей! Но коляска могла оказаться важной по иной причине.

– А вы не посылали людей на железную дорогу? – спросил Иван. – Если маменька и её дворецкий отправились куда-то на поезде, то экипаж должен был остаться на станции.

– Нету его там. – Лукьян Андреевич насупился, но бросил наконец нарезать круги по кабинету: опустил на стул. – И я пытался расспросить людей в городе: не видел ли кто, куда коляска наша уехала? Токмо у всех на уме сейчас другое. Волки у нас в Живогорске объявились, Иван Митрофанович. – Сивцов поднял глаза на Ивана, и тот обнаружил: во взгляде старшего приказчика читается самый натуральный страх. – Прямо на улице двоих мужиков загрызли! Одного – близ Духова леса, а другого – так и вовсе: в самом центре Живогорска, на Миллионной. И даже не ночью это произошло, а в то самое утро, когда родственник ваш сбежал из сумасшедших палат!

Глава 2

Ультиматум

28 августа (9 сентября) 1872 года. Понедельник

1

Иван резко отодвинул кресло, встал из-за стола. Делать записи ему внезапно расхотелось. Лукьян Андреевич хотел было тоже подняться, но купеческий сын сделал ему знак, чтобы он продолжал сидеть. Потом наклонился вперёд, опершись руками о столешницу, спросил:

– А кто-нибудь этих волков видел? Сколько их было? Или, может, на людей вообще собаки напали?

Последний вопрос Иван задал больше для очистки совести: ответ лежал сейчас у его ног, обёрнутый рогожей. Да и старший приказчик покачал головой:

– Точно – волки! Их видели – издалека, правда. Свидетели показали: обоих мужиков задрала стая из трёх или четырёх здоровенных зверей. Но и не это хуже всего, Иван Митрофанович. – Сивцов глубоко вздохнул, помолчал пару секунд. – В городе поговаривают: это кузен ваш, Валерьян Петрович, вызвал тех волков своим колдовством. То есть не кузен: дядя. А другие, – старший приказчик понизил голос, хотя никого, кроме них двоих, в кабинете не было, – считают, будто он сам их... того... Ну, в смысле: загрыз. А на свидетелей, дескать, морок навёл. Городовой, который был в сумасшедших палатах на дознании вместе с Огурцовым, припомнил, как Валерьян пытался его укусить, когда случилась та скверная история в ресторане – с нападением на вашу тетушку. Городового, правда, быстро урезонили. Сказали: на убитых нашли следы волчьих зубов, не человеческих. Но слухи-то уже поползли!..

А Иван подумал: «Так вот почему горожане от нашей тройки глаза отводили!.. И вот из-за чего улицы опустели: люди опасаются волков-людоедов... Может, и санитар, который с кем-то болтал на Миллионной, как раз о волках и рассказывал». Купеческий сын поёжился при этой мысли: он и сам о них мог бы *порассказать*.

А Лукьян Андреевич вдруг хлопнул себя по лбу:

– Ох, я и забыл совсем!.. В то же утро, когда волки в Живогорске объявились, у нас в доме странное происшествие приключилось. Вас не было, и я хотел маменьке вашей о нём доложить, но... – Старший приказчик смущённо развёл руками – словно это он был повинен в том, что Татьяна Дмитриевна Алтынова подалась в бега.

– Да что случилось-то, Лукьян Андреевич? – поторопил его Иван.

Он, впрочем, полагал: всё самое худшее Сивцов ему уже поведал. И уж никак не ожидал услышать то, что сказал ему старший приказчик далее:

– В подвал наш воры пробрались!.. Я нашёл на лестнице грязные мужские следы. И они вели, между прочим, к той самой двери, за которой вы обнаружили секретное отделение. Сначала к ней, потом – обратно. Никто из прислуги туда не ходил: я всем запретил, сказал, что вы не велели. Да и замок на той двери остался цел. Так что, надо думать, ничего у нас не украли. Хотя проверить я не сумел: ключей-то от замка вы мне не оставили. И я на всякий случай приказал ту лестницу не мыть и по этим следам не ходить. Вдруг всё-таки обнаружится какая пропажа, и тогда...

Но купеческий сын уже не слушал его. Обогнув стол, он опрометью кинулся к двери. Но на полпути резко развернулся – поворотил обратно, выхватил из-под стола рогожный свёрток и опять помчал к выходу. Лишь на пороге приостановился на миг – повернулся к Лукьяну Андреевичу, который взирал на Ивана, ошеломлённо моргая.

– Не ходите за мной! – бросил ему купеческий сын.
И с тем выскочил из отцовского кабинета.

2

До самой двери на лестницу, ведущую в подвал, Иванушка бежал, словно угорелый. И одна-единственная мысль крутилась у него в голове: «Я не должен был его там оставлять... Не должен был... Не должен...» Однако, распахнув подвальную дверь, купеческий сын поневоле застыл на месте. Внизу царил крошечная тьма, и ему пришлось вернуться на пару шагов назад и взять масляную лампу, что стояла на полочке в коридоре: специально для тех, кому нужно было попасть в подпол. Рядом с лампой лежали спички, так что Иван сразу же зажёл фитиль. И, держа под мышкой свой чудовищный свёрток, поднял повыше светильник и стал спускаться. Теперь он шёл медленно и всё время глядел себе под ноги. Во-первых, лестница была крутой. А во-вторых, он сразу же углядел грязные следы: благодаря предусмотрительности Сивцова их не затоптали.

И теперь Иван рассматривал их, пытаясь сообразить: мужчине какого роста они могли бы принадлежать? Даже свою собственную ногу ставил рядом. По всему выходило: посетитель был ниже его ростом, однако ненамного. И цепочка грязных отпечатков действительно была двойная. Визитёр вернулся той же дорогой, что и пришёл. Вот только – был ли он один, когда выбирался отсюда? Или с ним находился некто в более чистой обуви – не испачкавшей ступени? Иван молился, чтобы ошибиться в своих предположениях. Хотя и не был уверен, что при такой okazji молитва его возымеет силу.

Секретный подвал, обнаруженный Иваном на старых архитектурных планах, пролегал лишь под небольшой частью дома. Это было ответвление – этаким аппендикс, говоря медицинским языком. И подвальная дверь, которую купеческий сын оставил запертой на замок, уезжая в Медвежий Ручей, пряталась за бутафорской стеной. Сделанная из дерева, она имитировала кирпичную кладку подвала. Исключительно благодаря планам Иван понял, что эту стену-щит ничего не стоит убрать. И теперь сожалел, что не приказал возвратить её на прежнее место перед своим отъездом.

Впрочем, тут же одёрнул он себя, а что это изменило бы? Тот, кто знал про секретную дверь, наверняка был осведомлён и насчёт псевдокирпичной стены. Даже если бы Иван решил поменять запоры: и дверной, и тот, *другой* – это могло бы и не помочь. Разве что визитёру пришлось бы дольше повозиться – чтобы взломать всякий замок на секретной двери или вскрыть его отмычкой. А сейчас на этом замке признаков взлома Иванушка не видел. Что совершенно не могло купеческого сына обмануть. Он не собирался тешить себя иллюзией, что посетитель, оставивший грязные следы, просто пришёл, постоял здесь, да и ушёл восвояси.

– Наверняка был и другой набор ключей, – вполголоса произнёс Иван, а затем со вздохом вытянул из кармана сюртука два собственных ключа на кольце.

Он возил их с собой в Медвежий Ручей – не рискнул оставить здесь. Вот уж воистину – тщетная предосторожность! А до этого он отыскал оба ключа на общей связке, что принадлежала покойной ныне экономке Мавре, которая официально – пропала без вести. А на деле – погибла на Духовском погосте, когда мертвецы вставали там из могил после чернокнижных экзерсисов Валерьяна. «Заходила ли и она сюда?» – мимолётно подумал купеческий сын. Но потом решил: хватит уже ему тянуть время. Поставив лампу на пол, Иван отпер и снял всякий замок, повертел его в руках и опустил в карман сюртука – на место ключей. А потом, снова взяв лампу, толкнул открывавшуюся внутрь дверь, что вела в секретный подвал купца-колдуна Кузьмы Алтынова.

3

Как и при прошлых посещениях, Иван подивился тому, сколь странным был в этом подвале воздух. Здесь не пахло сыростью или плесенью, но и никакой свежести, уж конечно, не ощущалось. Холод этого подземелья отдавал запахом жжёного сахара – ошибиться было невозможно. А ещё почему-то – клейстером, как если бы его тут множество раз варили.

Однако никаких приспособлений для варки здесь не имелось. Сводчатый подвал был тесным, и примерно половину его площади занимал огромный кованый сундук – к которому и вели от двери грязные следы.

Иванушка подавил новый вздох, крепче сжал под мышкой рогожный свёрток и, вытянув перед собой руку с лампой, шагнул внутрь.

Недавний визитёр не стал здесь деликатничать. На дверь-то он вернул замок – явно желая создать впечатление, будто его и не отпирали. А вот замок сундука просто лежал возле него на полу. Разве что – крышку на сундуке *грязноногий* закрыл. Купеческий сын сделал два шага вперёд, положил обёрнутую рогожей руку на пол, рядом со снятым замком, и откинул массивную крышку сундука.

На миг Ивану почудилось: тот, кого он уложил внутрь, всё ещё находится там! И он чуть было не издал радостный возглас. Но увы: то оказалась оптическая иллюзия. Очертания мужского тела, которые Иванушке померещились, – это был всего лишь тёмный провал в нагромождении пожелтевших человеческих черепов, которые Кузьма Алтынов годами складывал в свой сундук. Самого купца-колдуна и след простыл.

– Вот и ещё один беглец! – громко произнёс Иван.

А потом рассмеялся – таким смехом, что, пожалуй, сам вполне мог бы загреметь в сумасшедшие палаты, если бы кто-нибудь это услышал. Впрочем, он тут же с собой совладал: оборвал свой хохот. Заставил себя собраться с мыслями. Да, *не-мертвый* дед Ивана пропал из колдовского сундука с черепами, где внук запер его. Да, Кузьме Алтынову явно помогли сбежать. И купеческий сын предполагал, кто мог бы оказаться помощником. Однако оставалось множество других вопросов, ответов на которые у Ивана Алтынова не имелось. И, пожалуй, главный из них касался его маменьки Татьяны Дмитриевны.

Вернее, таких вопросов было два. Первый: потому ли она сбежала из Живогорска, что каким-то образом узнала о случившемся здесь, в подвале дома? И второй: куда она отправилась? Иванушке не хотелось думать о том, что его маменьке взбрело в голову ехать за границу, в Италию: искать там своего бывшего любовника Петра Эзопова и его законную жену Софью. Однако и такую возможность нельзя было отменить. И что будет, если маменька не вовремя отыщет их? И учинит скандал где-нибудь на таможне – через которую супругам потребуется провести свой багаж: ещё один сундук с очень похожим содержимым?

Иван поморщился, поднял с полу рогожный свёрток и положил туда, куда собирался поместить его с самого начала: в дедовский сундук, поверх черепов. Послышался мерзкий костяной перестук, и у купеческого сына от этого звука заныли зубы. Обёрнутая жёсткой материей рука смотрелась на своём ложе как библейский левиафан посреди морских валов.

Купеческий сын опустил крышку сундука, вернул на место замок и только-только успел повернуть в нём ключ, как снаружи донёсся зов:

– Иван Митрофанович, вы там? Поднимайтесь, сделайте милость! Я бы за вами не пошёл, да у нас тут...

Сивцов, явно кричавший с лестницы, что вела в подвал, осёкся на полуслове. И купеческий сын с лампой в руке выскочил из секретного подвала своего деда: узилища, которое тот ухитрился покинуть.

4

Даже Эрик Рыжий выглядел мрачнее тучи. Иванушка и не подозревал, что у его кота имеется в запасе такое выражение морды. И пасмурный кошачий взгляд – с прищуром жёлтых глазищ – отнюдь не выглядел наигранным или неуместным. Какое там!.. Люди, что находились сейчас вместе с котом на большой кухне алтыновского дома, смотрели ничуть не веселее.

Кухарка Стеша почти беззвучно рыдала, утирая глаза уголками головного платка. Алексей стоял рядом, одной рукой приобнимая жену за плечи. А другая его рука была стиснута в кулак, и казалось: на пол вот-вот закапает кровь из-за того, что он пропорол ногтями кожу на ладони. На Ивана его недавний возница взглядывал лишь мимолётно. Но когда это происходило, в Алексеевых глазах читались угрюмство и обвинение.

Лукьян Андреевич застыл возле закрытой кухонной двери, прислонясь к ней – как если бы хотел предотвратить чьё-либо вторжение. На хозяина старший приказчик взирал хоть и с недоумением, но – единственный из всех – также и с толикой сочувствия.

А сам Иван, хоть и замечал всё это краем глаза, пристально смотрел только на одного человека: сидевшего посреди кухни на табурете мальчишку. То был старший сын Алексея и Степаниды: тринадцатилетний Никитка. И нынче утром он вместе с младшим братом, десятилетним Парамошей, отправился на его небольшую голубятню – посмотреть на породистых птиц, подаренных Иваном. Который, присев напротив Никиты на стул, слушал сейчас рассказ мальчика. Тот излагал всё уже во второй или третий раз. И временами злобно зыркал на купеческого сына – явно намекая, что не разговорами нужно заниматься. А ещё – давая понять, что именно его, Ивана Митрофановича Алтынова, он считает ответственным за всё произошедшее.

– Парамошка мне ваших серых московских турманов показывал, – говорил Никита. – И одного как раз вытащил из клетки – держал в руках. Вот тогда-то мы и услышали, как по лестнице кто-то поднимается на голубятню. Мы решили: это отец вернулся. Знали: вы все вскоре должны приехать домой. Только это... – Он с усилием сглотнул и на миг перевёл взгляд на Алексея. – Только это оказался тот жуткий мужик. Весь в чёрном. И в шляпе чёрной, диковинной: с такими вот широченными полями! – Мальчик обвёл рукой по кругу собственную голову. – Никто в Живогорске ничего схожего не носит. Из-за шляпы я его лица не разглядел совсем. Да он ещё и стоял в тени...

Тут подал голос Лукьян Андреевич:

– Можно попробовать навести в городе справки: не видел ли кто человека в подобном облачении? У нас в таком разбойничьем виде и вправду никто не ходит. Уж наверняка на него обратили бы внимание.

– Да, попробовать можно... – сказал Иван, подавив очередной вздох.

Никакого энтузиазма он по поводу справок не испытывал. Если уж ни одна собака не видела, как его маменька катила по городу в алтыновском парадном экипаже, то на субъекта в чёрном и вовсе не обратили бы внимания – в свете всего, чем заняты были сейчас умы горожан.

А мальчик тем временем продолжал свой рассказ:

– Я глазом не успел моргнуть, а этот *чернец* уже ухватил Парамошу поперёк туловища – одной рукой. Да так ловко, что тот и пикнуть не успел. А другой рукой ножик ему к горлу прижал. «Ни звука, – говорит, – а не то глотку перережу!» Ну, мы и молчим. Только Парамон голову запрокинул – глядит на этого чёрного во все глаза. И голубя себе за пазуху засовывает. Ну а чернец поворачивается ко мне и прибавляет: «Скажи своему хозяину: пусть он вернёт то, что забрал. Принесёт нынче до полуночи в свой фамильный склеп на Духовском погосте и там оставит. Иначе братцу твоему не жить!»

Мальчик слегка задохнулся, выговаривая эти слова. На глаза у него навернулись слёзы. Да и кухарка Стеша принялась всхлипывать вдвое чаще. При иных обстоятельствах Иван Алтынов сказал бы, что Никите он не хозяин. Тот не состоит у него на службе. Да и вообще – какие могут быть *хозяева*, если крепостное право отменили больше десяти лет назад? Однако сейчас явно не время было разводить антимионии.

А Никита между тем с собой справился – довершил свой рассказ:

– Ну а потом он так быстро спустился с Парамошей под мышкой по лестнице, будто в один прыжок её преодолел. Я подскочил к люку – а этот «чёрный» уже выбежал за калитку, что ведёт на задние дворы. Но я всё равно за ним припустил! Да вот – отстал очень быстро. И зачем вы только украли у него что-то!.. – И Никита посмотрел на Ивана Алтынова даже не с обвинением, а с каким-то абсолютно взрослым упрёком.

– Ты за языком-то следи! – осадил мальчика Лукьян Андреевич. – Ишь, выдумал чего: *украли!*..

Но Иван жестом остановил приказчика. Его сейчас волновали не эти нелепые обвинения. Впрочем, он всё-таки произнёс:

– Это была не кража, а боевой трофей. Причём – не мною добытый.

Уж, конечно, купеческий сын сразу уразумел, кто и что требует вернуть. Но не сам этот ультиматум ужасал его. Он без раздумий отдал бы чёртову руку – раз уж она кому-то настолько понадобилась. Отдал бы – если бы не одно обстоятельство.

– Вот что, Никита, – он крепко взял мальчика за локоть, заглянул ему в глаза, – ты должен вспомнить одну чрезвычайно важную вещь. Ты сам лица «чёрного» не видел – это я уже понял. А что насчёт Парамоши? Он мог разглядеть его физиономию?

Мальчик зажмурился – явно пытаюсь восстановить в памяти все детали случившегося. Потом проговорил – медленно, раздумчиво:

– Сдаётся мне, он с тем чернецом даже глазами встретился. Потому как у Парамоши во взгляде что-то такое промелькнуло... Он удивился... Нет, не так: он как будто узнал того, кто его держал!

Сивцов при словах Никиты стукнул кулаком по дверной притолоке: явно понял, к чему были все эти вопросы. Да и Алексей обо всём догадался, произнёс отчаянно и зло:

– Не возвернёт он теперь Парамошку – ежели ту *штуку* и получит. Парамошка его опознал!

Иван откинулся на спинку стула, принялся изо всех сил тереть лоб. Случившееся представлялось катастрофой, которую невозможно было ни предвидеть, ни преодолеть.

И тут снова подал голос Никита:

– Да вы же меня не дослушаете никак! Я знаю, куда он Парамошку потащил!

– Что? Что ты говоришь? – воскликнули они все на разные голоса, а Иван ещё и ухватил мальчика за рукав полотняной рубахи.

– Ну как – знаю? – чуть смутился Никита. – Не точно, конечно. Я ведь хоть и отстал тогда от чернеца, но всё равно продолжал бежать к Духову лесу – понял, что он туда направляется.

– Духов лес велик! – покачал головой Лукьян Андреевич.

Но мальчик, не слушая его, продолжил говорить:

– Этот, чёрный, в лес углубился мигом – будто в воду нырнул. И я за ним нипочём не проследил бы. Но лес в низину спускается, а Живогорск – он на холмах стоит. На Живых горах. Вот я и разглядел сверху: примерно в версте от меня над лесом взмыл серый голубь. Тот самый, что у Парамоши за пазухой был! Может, брат его сам выпустил. А может, его *чёрный* заставил – заметил птицу. Только я видел, откуда ваш турман взлетел. – Голос мальчика зазвенел торжеством, когда он поглядел на Ивана. – В той стороне дорога через болота пролегает – по ней теперь и не ходит почти никто. И ведёт она к одному лишь Князьему урочищу!

– К Старому селу! – ахнул Алексей.

Он, как и все в Живогорске, был о том месте слышан.

Глава 3

Княжье урочище

28 августа (9 сентября) 1872 года. Понедельник

1

Дорога поначалу шла через густой сосновый лес, источавший умопомрачительно сильные ароматы хвои, ежевики и слегка присушенных солнцем грибов. Чирикали в кронах деревьев какие-то птицы, тоненько пищали комары, которых Иванушка и его спутники поминутно сгоняли с лица и с рук. Всё было мирно и обыденно – почти благостно. И самую возможность ужасающих происшествий, которые приключились в Духовом лесу, хотелось поставить под сомнение. Но позволить себе это Иван Алтынов никак не мог.

Как не мог он и выбросить из головы предупреждение, полученное от Агриппины Федотовой. Чем обернется для него то, что он нарушил её запрет посещать Духов лес, – купеческий сын понятия не имел. Однако выбора у него не оставалось. Что же ему было: сидеть преспокойно дома, предоставив Парамошу его участи?

«Да ведь Агриппина могла ничего точно и не знать – просто возникли у неё какие-то дурные предчувствия, и только», – успокаивал сам себя Иван. Ему и без того было о чём беспокоиться!

В путь они отправились верхом: проехать по лесным буеракам ни одна коляска не смогла бы. Сам Иванушка ехал на гнедом трёхлетнем жеребце ахалтекинской породы, которого отец подарил ему ещё в прошлом году. Изначальное имя гнедка сейчас никто и не вспоминал: алтыновские конюхи дали ему прозвание *Басурман*. Жеребчик мало того, что позволял ездить на себе только Ивану – остальных просто сбрасывал, поднимаясь на дыбы. Так он ещё и норовил кунуть любого незнакомого ему субъекта, если таковой решался подойти к нему на конюшне. И, если у Алтыновых появлялись новые конюхи, гнедка они боялись пуще огня.

«Развёл ты вокруг себя бандитов! – ворчал когда-то Митрофан Кузьмич. – Кот – разбойник настоящий. Горыныч твой – не лучше. А теперь ещё и Басурман!.. Не иначе: ты сам воздействуешь так на своих любимчиков».

А сейчас, проезжая по лесу, Иван думал: всё бы он отдал, чтобы снова услышать батюшкино ворчание!

В Духов лес они отправились втроём: сам купеческий сын, Алексей и Никита. Мальчика они брать с собой не хотели, да тот привёл резонный довод: он один видел, откуда взмыл в небо серый московский турман. И, стало быть, он один мог привести к тому месту, откуда им следовало начинать поиски. А Лукьян Андреевич, хоть и порывался с ними поехать, вынужден был признать: кому-то следует остаться в городе – для подстраховки. Иван сказал ему: если к десяти часам вечера они не вернутся, нужно идти к исправнику Огурцову. Хоть и слабо верил, что полиция сможет им в этом деле помочь. Ведь тот *чернец* даже не стал требовать, чтобы уездных стражей порядка не ставили в известность о похищении Парамоши. Как видно, знал: толку от них не будет.

Но зато перед самым отъездом Иванушка отправил в алтыновский доходный дом нарочного: мальчишку-разносчика из лавки на Губернской улице. Написал записку Зине, прося передать с посыльным пистолет господина Полугарского и особые боеприпасы к нему. Соврал, что оружие ему требуется просто на всякий случай. Опасался, что Зине, чего доброго, взбредёт в голову самой принять участие в их вылазке, если она о ней узнает.

И теперь Иван возлагал основные надежды именно на подарок Николая Павловича Полугарского. Тем более что его серебряные пули уже доказали свою действенность. Купеческий сын жалел только, что не догадался запастись в дорогу топором. Змей-то в Духовом лесу было – пруд пруди! Ничего не стоило бы зарубить парочку – сделать топор *змеиным*: создать дополнительное оружие для себя.

Впрочем, если бы план, придуманный Иваном, сработал, им вполне должно было хватить пистолета. Да и не собирался купеческий сын приближаться на расстояние удара топором к обитателям Княжьего урочища. Ими ещё прежде, до появления волкулаков, в Живогорске детей пугали.

(До появления ли?.. Не они ли изначально и вершили бесчинства?..)

Хотя, кем бы ни являлись прежние обитатели Старого села, сейчас оно пустовало. С первых лет нынешнего девятнадцатого века в нём никто не жил.

– Вот, вот оно – то место! – громким шёпотом возвестил Никита, отрывая Ивана от его мыслей. – Уверен: голубь отсюда взлетел.

Всю дорогу они ехали молча, только по сторонам озирались – неизвестно было, кто и откуда может за ними наблюдать. И теперь они остановили лошадей. Наполовину заросшая тропа, которую и дорогой-то язык не поворачивался назвать, вывела их к некоему лесному пограничью. Сосновая, светлая часть леса смыкалась тут с другой, сумрачной: состоявшей из высоченных елей, кое-где разбавленных белыми колоннами старых берёз, листва на которых уже начинала желтеть. И на тёмно-зелёном моховом ковре, что простирался под елями, отчётливо были заметны глубокие вмятины мужских следов. Сынок Алексея явно не ошибся: похититель со своей ношей потоптался здесь. И, свернув с тропы, углубился в ельник.

Трое путников спешили, и на всякий случай Иван повторил ещё раз все детали своего плана. Главное было: действовать слаженно. Купеческий сын вытащил из седельной сумы заряженный пистолет, намереваясь дальше нести его в руке. И сунул в карман сюртука замшевый мешочек с серебряными зарядами; он металлически звякнул о дверной замок, так и оставшийся там лежать. От оружия господина Полугарского зависел теперь успех всего их предприятия. А ещё – успех зависел от того, скольких волкулаков они могут повстречать здесь. Если троих и один окажется без лапы – это давало Ивану и его спутникам шансы вызволить Парамошу и уйти отсюда живыми. Но вот если – больше...

Но купеческий сын быстро встряхнул головой: не следовало сейчас думать о таком. Бесмысленно, да и опасно: даже мысли в Духовом лесу могли обретать силу. Так что, ведя лошадей в поводу, они трое тоже сошли с тропы и двинулись по следу чернеца. Тот, хоть дорогу и покинул, не слишком сильно отклонялся от первоначального направления. Он явно собирался выйти именно к Старому селу, но не напрямую, а окольным путём. Бог весть почему.

Сам Иван никогда в том месте не бывал. В детстве нянюшка Мавруша строго-настрого это ему запрещала. А потом интерес как-то поугас: перестал Иванушка верить в сказки. Но сейчас, хочешь не хочешь, а вспоминались ему все те истории о Князьем урочище, которыми в детстве потчевала его Мавра Игнатьевна.

2

Как выходило со слов нянюшки, беда грянула в ту пору, когда в Духовом лесу процветало немаленькое поселение, известное ещё со времён царя Иоанна Грозного. Потому-то, вероятно, и возникло такое название: Старое село. Оно, конечно, было просторечным; по документам село именовалось *Казанским* – в честь храма Казанской иконы Божией Матери, который здесь выстроили.

Впрочем, устрашающие события стали происходить в Старом селе не при Иване Грозном – существенно позже: в последние годы царствования императора Петра Великого. Целая череда странных смертей и недугов поразила тех, кто в селе проживал или хотя бы его посещал.

А началось всё с того, что умерли две богомолки – нестарые ещё женщины: обеим и пятидесяти не сравнялось. Они приходили из Живогорска в сельский храм: поклониться Казанской иконе – чудотворной, как считалось. С паломничества они вернулись уже нездоровыми: обе – исхудавшие, сгорбленные, будто постаревшие разом на двадцать лет каждая. И уже в городе они слегли в один день, а потом – в один день и преставились. Недели не прошло после их возвращения. А те бабы, что готовили их тела к погребению, рассказывали потом всяческие ужасы. Будто бы руки и ноги у покойниц оказались обгрызены каким-то зверьём до самых костей – мяса на них почти не осталось. Но при этом столь чудовищные раны не кровоточили и не гноились. Да и обе паломницы, вернувшиеся в Живогорск на собственных ногах, на боли не жаловались, к лекарям не обращались и никому о нападении зверей ничего не сообщали.

Но это оказалось ещё что!

В Старом селе то у одного жителя, то у другого стала внезапно возникать и стремительно развиваться *мышечная дистрофия* – как называли бы это эскулапы девятнадцатого века. Вот – вчера ещё сельчанин был здоровенным детиной, кровь с молоком, а через пару дней от него оставались буквально кожа да кости. Причём сам несчастный даже не мог назвать момент, когда у него начиналось это стремительное похудание.

Женщины таким недугом почти не страдали, но одна сельчанка в самом начале странной эпидемии всё-таки слегла. И, как и давешние паломницы, очень скоро отправилась в лучший мир. Хотя её пользовала перед тем сельская знахарка – которая обнаружила, что у её пациентки тоже обглоданы кем-то руки и ноги. Эта целительница и произнесла тогда заперво слово «колдовство». Но спасти бедную бабу не сумела.

А вот занедужившие мужики – те не умирали. И осматривать себя никому не позволяли. Что, Впрочем, им не вредило: через пару недель они снова начинали набирать вес и восстанавливать мышечную массу. Но, поскольку заболели они в разное время, никто сперва не придавал значения тому, что стало твориться дальше.

Иван Алтынов хорошо помнил, как Мавра Игнатьевна рассказывала об этом:

– Исцеляться-то они исцелялись! Вот только начинали, сердечные, безвозвратно пропадать из дому – один за другим. Поначалу-то родные думали: те попросту в бега пускались. Отправлялись в Живогорск, а то и в саму Москву – искать лучшей доли. Село-то принадлежало князьям Гагариным, крестьяне крепостными были. Добром их никто не отпустил бы. Вот они и уходили тайно – так все думали. Управляющий княжий рвал и метал, в розыск объявлял пропавших, да всё – без толку. А потом как-то утром управляющего нашли в его собственной постели – без головы. И не отрубили её, а будто зубами отгрызли. И всё тело его было подчистую объедено зверем каким-то. Едва смогли бедолагу опознать – по кольцу на руке. Тут-то местный батюшка, видно, скумекал что-то. И отписал князю в Москву: так, мол, и так, страшные и небывалые вещи на земле вашей случаются. Пришлите, дескать, государевых людей для проведения дознания.

В этом месте своего рассказа баба Мавра неизменно делала паузу. И понижала голос, прежде чем начинала говорить дальше:

– Однако князь дознание учинять не пожелал. Токмо направил в село нового управляющего. Молодого да ушлого. И – не ведаю, правда то или нет, однако наш Кузьма Петрович сказывал, будто бы молодец тот приходился ему прапрадедом. Так вот, княжий посланец взялся за дело рьяно. Приказал возвести вокруг села частокол в полторы сажени высотой. И после захода запретил всем сельчанам за это ограждение выходить. А ещё – возле княжьих палат, в которых сам поселился, велел построить вышку десятисаженную. И каждое утро, перед тем как ворота частокола отпереть, на неё поднимался кто-нибудь и обозревал окрестности. Лишь

тогда запоры снимали, когда удостоверялись, что вокруг безопасно. И всё вроде бы наладилось: люди болеть перестали. Да и пропадать перестали тоже. Только вот – как-то раз зимой, после вечерней службы, священник тамошний исчез. А когда пошли его искать, оказалось: он ворота отпер, да и вышел на опушку леса... И – сгинул без следа. После того случая молодой управляющий написал князю: нужно людей из этих мест отселить. Но не сразу жители Старое село покинули. Да и не все, как потом сказывали...

Иван так погрузился в воспоминания о нянюшкиных побасенках, что не сразу услышал, как его окликают отец Никитки и Парамоши:

– Иван Митрофанович, дальше с лошадьми нельзя! След из лесу выводит. – Именно Алексей вёл их; как-никак основная его должность при Алтыновых была – садовник, так что отпечатки на земле он уж точно не упустил бы.

В голосе его уже не ощущалось такого отчаяния, как пару часов назад, когда Никита сообщил о похищении брата. Но когда Иван поглядел на своего работника, то поразился тому, как сильно у того покраснело лицо и как потемнела от пота его рубаха.

«Только бы он не сорвался – не вступил в игру раньше времени!» – подумал купеческий сын.

Они и в самом деле пришли, куда и предполагали. Следы «чернеца» вывели их на обширную поляну, посередине которой темнели руины рухнувших бревенчатых избушек, а в отдалении виднелся тёмный силуэт обширного строения – бывших княжских палат, надо думать. Рядом вздымалась – выше еловых вершин – неплохо сохранившаяся деревянная вышка с квадратными окошками поверху. И по краю всё это прерывистой волной окружали бревна частокола, в одних местах рухнувшие внутрь, а в других – наружу.

Но даже и не на это смотрел сейчас, не отрываясь, Иван Алтынов. И Алексей, явно перехвативший его взгляд, нарочито бодрым тоном произнёс:

– А вот и Колодец Ангела!

Алтыновскому садовнику было явно не впервой здесь бывать.

3

Колодезный сруб имел форму круга, но совершенно не походил на большой пень, как это было в усадьбе Медвежий Ручей, откуда Иван и Зина лишь сегодня возвратились. Таких колодцев купеческий сын прежде не видел: сплошь обложенный камнями, был он таким низким, что через его край легко перешагнул бы даже десятилетний ребёнок. «И ухнул бы вниз», – мелькнуло у Иванушки в голове. Тем более что располагался колодец этот не на открытой местности, а в тени старых берёз. Так что, оступившись, в него мог сверзиться кто угодно.

Однако не эти соображения заставили Ивана вздрогнуть при виде пресловутого Колодца Ангела. Всё дело было в той фигуре, что обнаружилась прямо возле каменного круга. На миг Иванушке почудилось, что он видит застывшего на посту часового: гигантского роста, держащего на изготовку какое-то непонятное оружие. Но нет: то был крылатый ангел, изображённый в человеческий рост, – вырезанный из дерева.

– Ходили слухи, – понизив голос, проговорил Алексей, тоже глядевший на деревянную скульптуру, – что священник здешний, отец Викентий Добротин, сильно осерчал на сынка своего, Митеньку, когда тот фигуру эту изваял. И будто бы говорил: изображение сие – не Ангел Христов, а падший ангел, восставший с мечом против Бога. Но батюшка уже тогда как бы *почуднел*. Всё происходило незадолго до того, как он ночью из села вышел, да и пропал безвестно. Так что слова его пропустили мимо ушей. И убирать Ангела отсюда не стали, ведь на него посмотреть со всей губернии приезжали! Уж больно искусно он вырезан. А отец Викентий будто предощущал тогда, что возле этой фигуры беда с ним и приключится! Упокой его душу, Господи! – И Алексей торопливо перекрестился.

А деревянная скульптура целиком поглотила внимание Ивана Алтынова. Ангел – прекрасный лицом, с вздетыми крыльями, – держал в правой руке меч. И это было первое, что купеческого сына поразило. Да, он знал: ангелов часто изображают с мечом – даже и на иконах. Однако там Вестники Божии держат меч в левой руке – и остриём вниз. А во вскинутой деснице у них неизменно – крест. У деревянного же ангела, установленного здесь, креста в руках не имелось вовсе. А меч свой он поднял высоко, будто фонарь. И словно бы направлял его в небо.

Но ещё более удивили Иванушку необычность и определённая черта деревянного юноши. Лицо его, хоть и очень красивое, было не иконописным – абсолютно земным. Округлое, с ямочками на щеках, с чуть заметным прищуром больших глаз – оно явно воспроизводило черты реального, живого человека. «Уж не самого ли себя этот Митенька изобразил?» – задался вопросом купеческий сын.

Впрочем, деревянная скульптура не одним этим поражала воображение. Если верны были рассказы бабы Мавры, исчезновение здешнего священника случилось примерно полтора века назад. И за такой срок в лесу, под открытым небом, даже мраморное изваяние изрядно разрушилось бы. Деревянный же ангел выглядел так, будто он лишь вчера вышел из-под резца скульптора-самоучки Митеньки Добротина. Правда, Иванушка не сумел бы определить, из какой породы древесины фигуру изваяли. Но, пожалуй, и дуб не выдержал бы столько: пошёл бы трещинами, начал подгнивать. Разве что – его обработали каким-то особым составом. Или вода здешнего колодца обладала чудодейственными свойствами – препятствовала гниению.

Иванушка передал Алексею пистолет господина Полугарского. А сам подошёл к колодезному сруб, склонился над ним, опершись о его край руками, свесил голову и стал вглядываться в промозглую черноту.

Сперва ему показалось: в колодезной воде, покачивая круглым верхом, плавает деревянное ведро. И лишь пару мгновений спустя до купеческого сына дошло: вовсе не ведро круглится сейчас в колодце. Иван Алтынов даже забыл дышать на целых четверть минуты. Ведь не могло же это зрелище быть подлинным! Да, он слышал: если днём забраться в тёмный колодец, то оттуда, посмотрев на небо, можно увидеть луну и звёзды. Но, чтобы вот так, заглянув в колодец, увидеть в воде отражение лунного диска – среди бела дня...

– Да ведь сейчас и не полнолуние... – едва слышно прошептал Иванушка.

Однако садовник Алексей его слова явно услышал.

– Не полнолуние, – долетел до купеческого сына его ответ – словно из дальнего далека. – Луна убывает.

Иван ещё ниже склонился над колодцем – так перевесился через его сруб, что Алексей издал предостерегающий возглас. Явно испугался, как бы его хозяин не полетел вниз. Вот уж это совсем было бы не вовремя! Но купеческий сын падать не собирался. Прежде ему уже доводилось сваливаться в колодец, и повторять подобный опыт он категорически не желал: крепко держался обеими руками за каменный край. И, напрягая глаза, вглядывался в отражение «волчьего солнышка», слегка подрагивавшее на воде.

Впрочем, с *полнолунием колодцем* можно было разобраться и позже. Посоветоваться, к примеру, с Агриппиной Федотовой. Но возможно это было лишь при условии, что нынче из Духова леса они вернутся живыми. А стало быть, им следовало поспешить.

Иванушка отступил от колодца и подошёл к Басурману, который стоял вполне себе смиренно. Казалось, норовистый гнедой жеребец уразумел, что в этих местах следует потише себя вести. К седлу ахалтекинца был приторочен длинный рогожный свёрток. Однако не *тот самый* – всего лишь кочерга, обмотанная тряпками. Примитивная маскировка, конечно; однако Иван рассчитывал, что для дальнего расстояния и её будет достаточно.

– Делаем, как условились. – Купеческий сын передал свёрток Алексею. – Ты переступишь через рухнувший частокол и сразу же крикнешь, что хочешь произвести обмен сам. Без моего участия. Потому как...

Но договорить Иван Алтынов не успел. Перекрывая его слова, сзади раздался низкий, словно звук басовой струны, и хриплый, будто карканье ворона, звериный рык.

Глава 4

Зверь

28 августа (9 сентября) 1872 года. Понедельник

1

«...ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить²», – промелькнуло в голове у Иванушки за тот миг, пока он оборачивался.

Позади них, шагах в десяти, темнела между берёзовых стволов массивная приземистая фигура. Но, если бы не рычание, Иван решил бы: он видит не зверя, а вставшего на четвереньки человека. Который зачем-то напялил на себя клочковатую звериную шкуру – как во время святочных колядок. Ни в положении этой фигуры, ни в наклоне головы – с оскаленной пастью – не было той натуральной звериной грации, что присуща любому хищнику. Это создание выглядело каким-то неловким, *вывихнутым*, хотя все четыре лапы имелись у него в наличии.

– Алексей, стреляй! – закричал Иван ровно в тот момент, когда кудлатый монстр оттолкнулся от земли в прыжке.

Конечно, каким бы прыгучим он ни был, перескочить сразу на десять шагов вперёд он не мог. Вот только – ужасающее создание словно бы поплыло по воздуху к Ивану, вытянувшись над землёй в почти прямую линию. Неистово заржал и взвился на дыбы Басурман. Закричал от ужаса Никитка, державший поводья и собственной лошади, и отцовской. А сжимавший пистолет Алексей начал поднимать руку – так медленно, словно к ней привесили пудовую гирию.

Впрочем, время явно замедлилось исключительно в восприятии Ивана. Когда Алексей спустил курок старинного дуэльного пистолета, мнимый зверь свой прыжок всё ещё не завершил. А не то вцепился бы в горло купеческому сыну, ноги которого будто вросли в мягкий моховой ковёр, расстилавшийся под деревьями.

Увы: серебряная пуля едва задела шерсть на правом боку жуткого зверя. Однако и этого мимолётного касания оказалось достаточно, чтобы сбить монстру прицел. Он приземлился примерно в шаге от Иванушки, который сумел-таки отпрыгнуть в сторону: за толстый ствол берёзы, что росла неподалёку от деревянного ангела. Зверь крутанулся на месте, будто его слегка оглушило. И купеческий сын успел выхватить из кармана и бросить Алексею мешочек с серебряными пулями, порохом и пыжами. Садовник поймал его на лету, да толку-то?.. На то, чтобы перезарядить старинную игрушку, ушло бы с полминуты – самое меньшее.

– Бегите, Иван Митрофанович! – закричал Никита, всё видевший и явно понявший, кто для зверя – главная мишень.

Однако Иван этого возгласа и не дожидался. Оттолкнувшись руками от берёзы, он помчал прочь – совершая на бегу скачки то вправо, то влево, на манер удирающего от погони зайца. На долю секунды Иванушка испытал сомнение: куда именно ему бежать? Не к руинам ли села – где можно было укрыться в какой-нибудь избе, не до конца разрушенной? Однако он понятия не имел, кто может поджидать его в Князьем урочище. Сколько ещё таких тварей обитало там? И как он стал бы обороняться от них – теперь, оставшись без своего единственного оружия?

И купеческий сын припустил зигзагами по лесу: проваливаясь в мох и всем сердцем жалея, что не может сейчас прыгнуть в седло своего ахалтекинца, чьи копыта годились даже для бега по зыбким пескам Туркестана.

² 1-е Послание Петра (5: 8).

Позади что-то кричал Алексей. Но Иван Алтынов слов его разобрать не мог. Он слышал только хриловатое дыхание зверя у себя за спиной – и грузное плюханье, которое возникало всякий раз, когда тот пытался в прыжке настичь добычу.

2

Раза три кудлатый монстр промахивался в своих атаках. Хотя, быть может, и не из-за ухищрений Ивана. Купеческий сын надеялся, что серебряная пуля всё-таки задела зверя по касательной. И хоть и ненамного, но всё же замедлила его.

Но – замедленный или нет, а волкулак постепенно приближался. Ивану не требовалось оглядываться, чтобы это понять. Дыхание существа становилось всё громче, а прыжки его завершались уже так близко от купеческого сына, что тот всякий раз ощущал колыхание воздуха, когда зверь приземлялся. А лес между тем становился всё гуще, и берез в нём практически не осталось: пространство вокруг занимали гигантские тёмные ели, нижние ветки которых спускались к самой земле.

И купеческий сын понял: выход у него остаётся один. На бегу он ухватился за одну из еловых лап – и пожалел, что для верховой езды не надел перчатки: мгновенно исколол себе руки. Но сразу же подтянулся и, перебирая ногами по стволу, моментально взобрался на одну из нижних веток. А потом полез вверх с такой скоростью, что и Эрик Рыжий, пожалуй, не обогнал бы его.

«Если *эти* умеют лазать по деревьям, мне конец!..» – мимолетно подумал Иван. Однако тут же услышал звук, который показался ему сладчайшей музыкой: раздосадованный рёв зубастого монстра. И, бросив короткий взгляд вниз, Иванушка увидел: зверь, упершись передними лапами в ствол и запрокинув уродливую башку, яростно на него смотрит. Однако попыток за ним последовать не предпринимает. Так что купеческий сын, поднявшись ещё сажени на полторы, сел на толстую еловую ветку верхом и чуть перевёл дух.

Только сейчас до него стало доходить, какую авантюру он затеял. Да ещё и вовлек в неё Алексея с Никитой! План-то казался простым и разумным: выманить зверя и выстрелить в него из засады. Или – пальнуть в давешнего «чернеца», если на зов Алексея выйдет похититель-человек. Ну а если никого не удалось бы застрелить, Иван и Алексей отвлекли бы на себя внимание зверя или человека (пусть даже – двоих зверей). А Никита тем временем отыскал бы Парамошу и вызволил его.

И рухнул этот план по очень простой причине. Существа, с которыми они встретились, не были ни волками, ни людьми. Они соображали куда лучше волков. А чутьё у них было куда лучше, чем у людей. Так что звериным своим нюхом кудлатый монстр сразу уловил, что к урочищу приблизились гости. И перехватил их ещё на подходе. Немедленную гибель всех троих предотвратило только то, что, приняв обличье волка, оборотень не удержался – издал громогласный рык перед нападением.

Ну а сейчас *чернец* (Иванушка не сомневался, что преследует его именно он – похититель Парамоши) так просто сдаваться не собирался. Задрав морду, он глухо рычал, скрёб передними лапами еловый ствол и как будто пытался раскачивать его. Причём этот волкулак не был чёрным, даже если в человеческом обличье он носил одежду монашеских цветов. В отличие от тех чудищ, что преследовали алтыновскую тройку утром, теперешний зверь был обычной серой масти – как и большинство волков. И означать это могло лишь одно: оборотней в Духовом лесу водилось уж точно больше трёх!

А серый волкулак перестал царапать еловый ствол когтями. Чуть отбежав в сторону, он резко мотнулся обратно и врезался в дерево кудлатым боком.

Ель была – руками не обхватишь. Но этот волчий таран обладал, казалось, неестественной силой. Толстенное дерево содрогнулось при ударе. А еловая лапа, на которой восседал Ива-

нушка, качнулась наподобие опахала. И купеческому сыну, чтобы не упасть, пришлось схватиться одной рукой за ствол. Сделал он это вслепую: глядел, не отрываясь, вниз. Потому и не понял, с чего это вместо древесной коры пальцы его вдруг задели что-то холодное, подвижное и словно бы чешуйчатое.

Спасло купеческого сына то, что инстинкты его сработали раньше, чем разум. Иван резко отёрнул руку, ощутив, как на затылке у него мелкие волоски встали дыбом. И только потом перевёл взгляд на древесный ствол, едва видный в густом сумраке, который давали мохнатые ветки. Но и смутного света Иванушке хватило, чтобы уловить на коре старой ели извилистое, волнообразное движение.

Вёрткая тварь была примерно в аршин³ длиной, угольного цвета, с тонким жёлто-оранжевым кончиком хвоста, с приплюснутой сужающейся головой. Купеческий сын всю жизнь прожил в этой местности и мгновенно понял, кто присоседился к нему на дереве: чёрная гадюка. И сейчас она начала переползать со ствола на ветку, которую облюбовал Иванушка.

Непроизвольно купеческий сын подался назад – к тонкому концу ветки. И в этот самый момент ель снова покачнулась.

3

Он помнил, что говорила ему когда-то нянюшка Мавра Игнатьевна: от змей нельзя убежать или отмахиваться. Если уж повстречался со змеюкой, нужно потихонечку, медленно от неё отступать: без резких движений, чтобы её не раздражать. Но как, спрашивается, было сейчас последовать такому совету? Отступать оказалось некуда. А ветка под Иваном так раскачивалась, что за неё пришлось схватиться обеими руками, дабы не сверзиться прямо в зубы кудлатому монстру. И чёрная гадина с шипением разинула пасть, показав ядовитые зубы: пустотелые иглы, наполненные отравой. А раздвоенный змеиный язык задёргался, словно пытаясь попробовать жертву на вкус.

Купеческий сын знал: змеи хорошо лазают по деревьям. Слышал и о том, что порой они забираются весьма высоко: выискивая птичьи гнёзда, где лакомятся яйцами. Но сейчас сезон гнездования давно прошёл. И все птенцы мало того что вылупились, но ещё и встали на крыло. Так что же, спрашивается, ядовитая гадина делала на этакой верхотуре? Почему ей на земле не сиделось?

³ Аршин = 0,7112 м.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.